

*Валентина Борисовна ШЕПЕЛЕВА —
доцент кафедры современной
отечественной истории и историографии
Омского государственного университета,
кандидат исторических наук*

УДК 930 (47)

ИСТОРИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ И ЭТНИЧЕСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ НА ПЕРЕЛОМЕ ОТ РОССИИ ЦАРСКОЙ К РОССИИ НЭПОВСКОЙ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается проблема альтернативности исторического процесса, в частности, судьба революционно-демократической альтернативы в истории России XX века с учетом этнической ментальности.

The author tackles the problem of alternativeness of historical process, in particular, the destiny of revolutionary-democratic alternative in the history of Russia of XX century taking into consideration some aspects of ethnic mentality.

Этнические сообщества соотносятся, исходя из синергетических представлений, с классом сложноорганизованных нелинейных открытых динамических систем [1; 5, 8, 23, 262, 265]. Своеобразным «генетическим кодом» выступает в данном случае культурный код, этническая ментальность, прежде всего — ядро культурного кода этноса, что вычленялось, в частности, отечественными мыслителями XIX-XX вв. как «русская идея», «этническое поле», «аттрактивность» [2]. Ядро этнической ментальности — идеалы и ценности народа — и есть код его саморазвития.

Однако в современной отечественной гуманитаристике представительным кругом исследователей европоцентристской ориентации (А. Ахиезер, С. Гомаюнов, А. Ракитов, Р. Абдеев, отчасти — В. Булдаков и К. Кантор, А. Бузгалин) фактически поставлена под вопрос самоценность культурного кода народов незападной, конкретно — российской цивилизационной парадигмы [3; 79-81]. Более того, некоторые авторы «синергетического круга» (по самопрезентации) склонны считать, что необходимой платой за рост «разнообразия микрогрупповых и индивидуальных культур» становится ликвидация самобытности культур этнических, национальных [4; 135-140; 140-146; 131-139]. Все это, объективно, — попрание важнейших синергетических «параметров порядка» для человека — социума — человечества; посягательство на такую объективную реальность, как этносфера, вне которой ни человека, ни человечества попросту нет. Обозначенные же выше подходы соотносимы, на наш взгляд, с постмодернистским, но никак не с синергетическим мироощущением. Между тем сложноорганизованная система жизнеспособна настолько, насколько способна опираться на многообразие. «Разные типы (этнических — В. Ш.) культур... системно связаны друг с другом по принципу «дополнительности» ... (и) каждая необходима истории именно в своей специфике...» [5; 98]. И лишь соответствующие ядру этнической ментальности управляющие воздействия благоприятны для развития социо-этнического образования. Более того, «попадание в точку» закладывает основы для сверхбыстрого восходящего развития такой системы. Если управляющие усилия направлены против кода саморазвития системы, они оборачиваются подрывом, а при достаточно сильном воздействии — разрушением системы. Но: «без меня мир неполный» — это, пожалуй, особенно верно применительно к этническим сообществам.

Между тем «всплывают» коды нелинейных систем в моменты хаотизации, кризиса и вариативность развития есть проявление сущности таких систем, в частности

— социумов [6; 265, 243,261]. При этом степень «исторической вариативности», видимо, должна быть увязана со «степенями свободы» человека и социума, различными на разных ступенях социальной эволюции. «Эпоха естественной необходимости» в этом смысле предоставляет качественно иные возможности, чем эпоха «необходимости осознанной». Кстати, есть содержательная перекличка между марксистской историческо-социологической концепцией и историческо-социологическими поисками русской религиозно-философской мысли, «ноосферными» построениями, соображениями А. И. Герцена о выборе пути исторического развития [7; 223-245]. Контекстно подобная логика нарастания объективных возможностей субъекта признается и в рамках теории модернизации, и — парадоксальным образом — постмодернистскими построениями [8; 9-10, 252; 8-10, 31,37-39,174-207; 378-465]. Видимо, уже сказанное можно рассматривать как свидетельство: 1) «резонансности» «инверсионной концепции» Октября [9; 380-381], позднее — нэпа российским ментальным параметрам и 2) адекватности ее условиям XX в. («большевики разделяли вместе с другими (правительствами Европы)... веру... что государство может изменить окружающий мир...»), — пишет П. Холквист [10; 58, 59, 70-71]).

Правда, отмеченная тенденция нередко проявлялась и проявляется в формате срыва в субъективизм [11].

Сама проблема исторических альтернатив в России, если вести отсчет с 1905 - 1917 гг., присутствовала в либеральной и социалистической, позднее (в определенной степени) в советской трактовке событий, а не только в эмигрантской и зарубежной историографии. Уже разработка документов политических партий применительно к первой русской революции, затем — к периоду столыпинского реформаторства и, особенно, — к революционному процессу 1917 г., формирование концепций российских революций — убедительное тому подтверждение.

По Ленину (с учетом опыта 1905 г.): революционно-демократическая диктатура, аграрно-крестьянская буржуазно-демократическая революция как массовая основа революционного движения — все это российский вариант революционно-модернизационного процесса в условиях эпохи капиталистического империализма [12; 43, 118-121, 330-337, 423-424; 37-47, 210-213, 370-378; 134-137, 364-372, 416-424]. Но, кроме того, в ленинских наработках учитываются возможности: 1) сначала успешной реализации столыпинских преобразований на пути капиталистического прогресса (что снимало бы вопрос об аграрно-крестьянской революции); 2) затем (в 1917 г.) — буржуазно-либеральной альтернативы в случае того или иного соглашения между Временным правительством и крестьянством [13; 81-83, 104-106, 192-197; 136-137, 140-141 и др.]. Повторим: это помимо вычленения как особо ценной революционно-демократической альтернативы развития событий по одному варианту в 1905 г. и по другому (с исключением самой возможности гражданской войны) — в 1917 и помимо реализовавшейся в итоге большевистской альтернативы [14; 11-46, 103-117, 132-148, 154-169; 239-249; 74-76, 105-111, 195-197, 247-249, 393-397; 133-139, 144-199, 214-238].

Кроме того, выявившиеся в годы Гражданской войны в советской России тенденции представляли альтернативные линии движения общества [15; 225-235; 92-110]. Если рассматривать «военный коммунизм» как тактику, то речь идет, во-первых, о так называемом «методе непосредственного социалистического строительства» — иллюзорном, опиравшемся на завышенную оценку возможностей субъективного фактора внутри страны и в Европе и на не менее завышенную оценку экономического состояния общества [16; 188-189, 209 и др.].

Этот подход, подкрепленный прямой причастностью к нему Ленина, сыграл существенную роль в трагическом для страны «аккомпанементе» гражданской войны в виде крестьянских восстаний, Кронштадта [17].

В определенной степени эта иллюзорная тенденция служила подспорьем для второй — «казарменно-социалистической» тенденции. И хотя последняя качественно отличалась от первой (вместо завышенной оценки субъектных возможностей крестьянства [18], «казарменники» присваивали субъектные свойства только властным коммунистическим структурам), тем не менее обе тенденции могли смыкаться на практике [19; 109-110]. Однако если первая из них с переходом к нэпу была оценена как причина самого опасного кризиса Советской власти [20; 63-64, 222; 151, 156, 157, 158, 159], то вторая предметом специального анализа так и не стала. Но логика именно этой тенденции предопределила формирование «левой», а одновременно и аппаратно-сталинской линии действий в 1920-е годы [21].

Вместе с тем, несмотря на все нарекания относительно поисков «нэповского предшества» в донэповскую эпоху [22], далеко не одна только линейная апологетика определяла эти поиски. Объективные обстоятельства заставляли действовать в «пронэповском» — реалистическом направлении. Да и расклад социальных сил в стране, крайне жесткие уроки от ставки на иллюзорность и «казарменность» требовали «нэповства» как условия удержать Советскую власть; массовое крестьянское, казачье-фронтовое, национальное, партийно-социалистическое движение с конца 1918 г. выдвигало требования, практику пронэповского толка [23].

Однако формула «гражданского мира», советского госкапитализма, сопряженного с принципом самоуправления как основным принципом организации, идея некапиталистической модернизационной эволюции мелкотоварного уклада, теоретическое признание закономерности немонопартийности, догадки о самоценности смешанной экономики — все это разрозненно и с запозданием осваивалось и выдвигалось нэповцами-партийцами в качестве опорных принципов советской политики. Но нэп — это единство «разного». И неслучайное совпадение: крестьянин — одновременно труженик и собственник, выразитель «архаического аграрного коммунизма» и — частнохозяйственных настроений. Т. е. он не классический мелкий буржуа, его мироощущение (с поддержкой Октября, Советской власти) — некая квинтэссенция нэпа, опора целостной революционно-демократической альтернативы.

Между тем после первых достаточно свободных исследований С. М. Дубровского, С. А. Пионтковского и др., фиксировавших двусоставной характер Октябрьской революции [24], уже к концу 20-х г. закрепляется неукоснительная «монистичность» в трактовках Октября, линейное видение реальности.

Высокая степень политизированности советской историографии как одного из компонентов советского общества, в жесткой борьбе утверждающего свое право быть, актуализировала подход «не элина, но иудея». Со ссылками на классика альтернативности выносилась «за скобки» в работах лидера советской историографии М. Н. Покровского [25; 455; С. 23]. Видимо, линейностью анализа — абсолютизацией «формационного подхода» можно объяснить и поразительную невосприимчивость ученого к этническому в истории, иронию по поводу «догмата о «глубоком историческом своеобразии» каждого отдельного народа» и т. д. [26; 102-103, 129-132, 396, 330-336, 406-415]. Но эта особенность мышления — далеко не исключительная среди большевиков принадлежность «патриарха» советских историков. Отсюда целый ряд трагических - слепосоциологизаторских просчетов относительно крестьянства, интеллигенции на практике. Между тем историко-этноментальный подход предполагает вариативность исторического процесса.

В сталинскую эпоху жесткой унитаризации проблема исторических альтернатив оказалась политически взрывоопасной.

XX съезд, «оттепель» объективно подводили к проблеме исторических альтернатив. Более того, на январском методологическом форуме 1964 г. в основном докладе подчеркивалось: «Особенно важно обращать... внимание на возможности... тенденции, которые возобладали, и... которые были подавлены» [27; 15-16]. Эти

сюжеты были подхвачены. В частности, по М. Я. Гефтеру, причина забвения «проблемы возможности и действительности (-) в ... идущем от Сталина «выпрямлении» истории по ... результату... в... подмене марксистского детерминизма идеей *фатальной неизбежности* ...» [28; 149-150]. Вообще, казалось, все шло к широкой теоретико-методологической дискуссии, выходящей и на онтологические, и на гносеологические проблемы. Однако в постановлении Президиума АН СССР «О разработке методологических вопросов истории» этот сюжет уже не упоминался [27; 336-339]. Возобладал в итоге в качестве официально признанного прежний линейный, хотя и усовершенствованный, подход [29].

В его пределах закреплялись концепции якобы непонимания реальности со стороны отечественных «альтернативистов», представления об однозначном характере Февральской и затем Октябрьской революций, о капиталистическом характере дореволюционного аграрного строя и т. д. И все это вопреки добротным конкретно-историческим, историографическим исследованиям, методологическим изысканиям [30].

Обуженное суждение по результату (рассматриваемому как бы «по большому счету») — это был (да и есть в значительной степени) главный способ оценки предшествовавшего данному результату периода, процесса. Правда, к вопросу: где критерии этого «большого счета»? — советская гуманитаристика оказалась крайне не чувствительна. Но отсечение **разного, многообразия**, как и невнимание к «генетике» — ядру культурного кода социума означает (в переводе на политику) формирование в перспективе тупиковой ситуации...

«Перестройка», «гласность» предопределили пик популярности нэпа. Здесь присутствовали и собственно академические интересы, и стремление снять версию про обреченность Советской России на ужасы сталинизма или, напротив (позднее), стремление доказать безусловную предопределенность сталинской эпохи. Однако уже на рубеже 80-90-х г. обнаружилось, что для радикальной части «демократической оппозиции» какие бы то ни было социалистические альтернативы совершенно не актуальны [31; 7-41; 453-469, 471 и др.; 3-4, 32-35, 236-245, 320].

В постсоветских условиях резко снизилась злободневность проблемы альтернатив в рамках советской эпохи. Все спрессовалось в оппозицию: прежнее — советское гомогенное, с одной стороны, и новейшее, по «западноцивилизационному» образцу, — с другой. И поскольку фигура Сталина, репрессии — самый действенный (как показала практика) аргумент против советской системы, уже по этой причине сталинская эпоха сосредоточивает на себе внимание и политиков, и исследователей.

Очень любопытны в этом отношении процессы в современной западной историографии, «не рассматривающей, — по словам П. Холквиста, — Советскую Россию ни как ... уникальное порождение социализма, ни как русское отклонение от европейских норм... (но) воспринимающей ее как... специфическое проявление **новой правительственной модальности** в сфере политики... в контексте явления... «**современность**» [32; 74-75]. Эта тенденция по избавлению историографии от заклятий очень позитивна. Но в итоге широкий блок «неизбежников» [33; 122] в историографии сегодня явно превалирует над «альтернативистами».

Если брать ситуацию в отечественной познавательной практике и судить «по результату» и «по большому счету», — все, казалось, в общем (до 1991 г.), линейную оценку сталинской эпохи оправдывает: есть Советский Союз - вторая держава мира, самым своим существованием менявшая облик планеты, внесшая решающий вклад в разгром фашизма и т. д. Но этот же способ суждения в рамках линейной парадигмы после 1991 г. просто перечеркивает всю советскую эпоху, самой абсурдностью такого исхода обозначая свою некорректность. Неслучайно все «неизбежники»: Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов, Э. Клопов, А. К. Соколов; «кожиновцы» [34]; левопатриотические группы (С. Г. Кара-Мурза, А. А. Зиновьев, И. Я. Фроянов); «державники-цивилизационники» (А. С. Панарин, Кс. Мяло, Н. Нарочницкая, А. Г. Дугин) — категорически не принима-

ют линейности в оценке послесталинского периода. Но в таком случае принцип вариативности исторического процесса — пусть выборочно — принимается.

Итак: идея революционно-демократического варианта разрешения остро назревших проблем политической и социально-экономической модернизации России была определена большевиками в виде формулы: революционно-демократическая диктатура + (после 1905 г.) аграрно-крестьянская буржуазная революция как «оселок» революционного движения. Такая оценка резко разводила большевиков и меньшевиков, тем более большевиков с либералами, но сближала с эсерами (в 1917 г. — с «левыми эсерами» и, очень противоречиво, — с «левыми» меньшевиками). Близко к большевикам-национализаторам выглядели по крестьянскому вопросу энесы.

Однако если исходить из этнически-ментальных ориентиров подавляющего большинства населения страны: 1) крестьянства, «весь образ жизни которого определялся идеологией «архаического аграрного коммунизма», в пределе — соборными устремлениями; 2) пролетариата, тесно связанного с деревней; 3) представляющих «лицо России» выдающихся мыслителей, художников; 4) в целом подвижнической русской интеллигенции и 5) прочих не заметных до времени носителей «русской идеи», — получается существенно иной расклад сил в пользу небуржуазного исхода.

Вообще такие линейно-немыслимые обстоятельства, как «либеральное народничество»; как кадеты и кадетствующие — носители не-буржуазной «русской идеи» [35], породившие позднее и «сменовеховство», и «евразийство» и явление «нэповцев-спецов» и т. д. — такие обстоятельства очень «говорящи» и не могут проходить по разряду случайностей. К сожалению, проходили даже для большевиков-нэповцев. А «говорящи» они в пользу общенационального — **общементального**. Это — объективная реальность. Реальность, к которой слабочувствительны оказались большевики. «Злые заметки» нэповца Н. И. Бухарина, может быть, особенно показательны в этом смысле.

Однако нэп явился (объективно) признанием правоты народнических разработок относительно возможности некапиталистической модернизационной эволюции крестьянского хозяйства. Шаги к такому признанию: 1) переоценка завышенного уровня капитализма в деревне, вывод о реальности аграрно-крестьянской революции. 2) С весны 1917 по апрель 1918 г. — большевики самая прокрестьянская партия, когда вместе с ними крестьянство в целом. В итоге: «большевики дали землю, прогнали помещика», — этот фактор — основа упоминавшегося «чуда» политических и военных побед большевиков. 3) Весна 1918 г. — признание большевиками, что «утопии старых кооператоров, **народников**» в условиях Советской власти обретают под собой реальную почву (правда, следом — в мае-июне тяжелейший «западнический» просчет РКП (б) относительно крестьянства, подтолкнувший страну к трагедии гражданской войны). 4) Далее по ходу гражданской войны ряд соображений Ленина, его коллег относительно середнячества, отчасти — относительно крестьянства верхушечного — в сторону признания целостности этого сообщества мелкотоварных производителей (вместо применения к нему негодной «классово-полюсовой» схемы) [36; 5-6].

Вместе с тем недоучет большевиками этнической ментальности, односторонне политэкономический подход не позволял увидеть в аграрно-крестьянском движении не только и не столько буржуазно-демократическую, сколько общинно-крестьянскую революцию, не столько «американски-капиталистические» устремления, сколько общинно-мирские надежды крестьянства. И этот недоучет неслучаен, если иметь в виду теоретические воззрения марксистов по национальному вопросу. Неслучайно общинно-коллективистские настроения крестьянства до 1917 г. Ленин оценивал как «мещанский утопизм», более того, не изменил своих убеждений и под воздействием радикально антибуржуазных требований в знаменитых 242-х крестьянских наказах [37; 5-23; ; 74-79]. Но относительно крестьянской ментальности — «регулятивов», определяющих в крестьянской стране развитие социума (определяющих основы эт-

нической ментальности), очень прочной была народническая традиция, традиция русской классической культуры, религиозно-философской мысли. И если несомненный факт, что нэповская альтернатива была сорвана в силу ее непоследовательности: нэп в социально-экономической сфере и «казарменно-социалистическое» наследие в сфере политической и, в немалой степени, в духовной [38; 258-261], то как раз учет большевиками культурного кода нации мог бы, благодаря сплочению вокруг общенациональных задач [39; 151] широких слоев общества, блокировать антинэповские тенденции, мог уменьшить трагический разрыв между зачинавшейся на рубеже веков революцией духовной и состоявшейся революцией социальной.

И в заключение: регулятивы жизни народа, задающие «поле возможностей» в данных условиях — это «ядро» его этнической ментальности. Октябрь 1917 г., советская эпоха стали возможны постольку, поскольку в них была адекватность культурному коду русского суперэтноса и «вызовам времени». Нэп — привязка советской политики к российской почве — давал шансы для расширения и углубления этой адекватности. Нечувствительность на отрефлексированном уровне большевиков к этнической ментальности оказалась среди факторов, губительных для нэпа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М., 2000.
2. Речь о подходах Н. А. Бердяева, Г. П. Федотова, Л. Н. Гумилева и др.
3. Шепелева В. Б. // Вестник Омского университета. Вып. 1. Омск, 2000. К. М. Кантор последнего времени не может быть причислен к отмеченному ряду (см.: Кантор К. М. Двойная спираль истории: Историсофия проектизма. Т. 1. М., 2002. С. 70-93).
4. Сухомлинова В. В., Назаретян А. П., Брудный А. А. // Общественные науки и современность. 1994. № 4; № 6; 1996. № 4
5. Кантор К. М. // Вопросы философии. 1983. № 7.
6. Как подчеркивает И. Пригожин, «с увеличением динамической сложности (от камня к человеческому обществу) роль стрелы времени (а потому и вариативности)...возрастает». — см. [1].
7. Шепелева В. Б. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 4. М., 2001.
8. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрок и др. М., 1999; Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара, 2001; Иноземцев В. Л. За десять лет. К концепции постэкономического общества. М., 1998.
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45.
10. Холквист П. // Американская русистика: вехи историографии ... (см. [8]).
11. Видимо, сталинизм, с одной стороны, и фашизм, нынешняя практика «нового мирового порядка» — с другой (безусловно, качественно отличные феномены), могут быть соотнесены с отмеченным явлением. Видимо, чтобы «явление наизнанку» обрело свою истинную сущность, необходимо пройти «изнаночный» путь до некоторого предела.
12. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16; Т. 17; Т. 19.
13. Там же. Т. 15; Т. 31.
14. Там же. Т. 31; Т. 32; Т. 34.
15. Предшествовали им и дооктябрьские, и первые послеоктябрьские неоднозначные доктринальные ориентиры, разрабатываемая политика и практика по начало лета 1918 г. (См.: Шепелева В. Б. // Из истории революций в России (первая четверть XX века): Материалы Всерос. симпозиума... Вып. 1. Томск, 1996.; Она же. // Проблемы методологии исторических наук: Сб. Омск: ОмГУ, 1992).
16. Павлюченков С. А. Крестьянский Брест, или предыстория большевистского нэпа. М., 1996.
17. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («антоновщина»). Док-ты и материалы. Тамбов, 1994; Кронштадтская трагедия 1921 года. Док-ты. Т. 1-2. М., 1999; Крестьянское движение в Поволжье. 1919-1922 гг. Док-ты и материалы. М., 2002 (см. особо вводную статью В. П. Данилова) и др.

18. Позднее Ленин признавал: надежда была на чудо: после чуда в сфере политической (Октябрь 1917 г.), затем — в сфере военной (победа в гражданской войне), была надежда на чудо в области социально-экономических отношений (см.: Ленин В. И. Там же. Т. 43. С. 63-64, 220; Т. 44. С. 151).

19. См. позиции Л. Д. Троцкого в начале 1920 г. и после IX съезда РКП (б) (Шепелева В. Б. // Проблемы отечественной истории: Тез. докл. науч. конф. памяти Н. М. Ядринцева. Омск, 1992.). Сходны обе тенденции и в отношении к «военному коммунизму» как к большему, чем чрезвычайность, и в превышении оптимума по госкапитализму.

20. Ленин В. И. Там же. Т. 43; Т. 44.

21. И философы В. А. Вазюлин, М. Дафермос, С. Рудаков объединяют «метафизический военный коммунизм» и «метафизический монизм» сталинского периода (см.: Труды Международной логико-исторической школы. Вып. 1. М., 1993. С. 92-93, 74).

22. См. до- и перестроечные работы В. М. Селунской, В. П. Дмитренко, ранее - исследования В. И. Биллика, Э. Б. Генкиной; за последние годы: Н. С. Присяжного, С. А. Павлюченкова «историографического» в противоположность ему же «конкретно-историческому» и др.

23. Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917-1921 гг. М., 1997. О революционно-демократических крестьянских устремлениях в партизанском движении, затем — в повстанческом антикоммунистическом и в позициях 20-х гг. см. работы сибирских историков Ю. В. Журова, Н. С. Ларькова, А. Н. Никитина; работы В. В. Кабанова, В. П. Данилова, В. И. Шишкина; сб. «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД (1918-1939). Док-ты и материалы». М., 1998-2002. Т. 1-3. Меншевицкая программа «Что делать», раскол в эсеровской партии, появление «сменовеховства», «евразийства», объективно признание кадетами адекватности большевистских действий (как причин победы Советов) — все это аргументы в пользу закономерности «революционно-демократического» исхода событий (см.: Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. Ч. 1,3. Гомель, 1993; Думова Н., Трухановский Г. Черчилль и Миллюков против Советской России. М., 1989. С. 177-178, 182-184, 187).

24. Дубровский С. М. Очерки русской революции. Вып. 1. М., 1922; Пионтковский С. А. Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход. М.-Пг., 1923; Крицман Л. Н. Героический период Великой русской революции. М. Л., 1925. Как пишет Д. Анина: «Покровский, и особенно... его последователи... излагали «путаную» теорию о... двух революциях... в октябре 1917 г.» Правда, ремарка Д. Анина, что это «непростительные ереси для советских историков, которые не могли не (знать) ... главных писаний Ленина», скорее свидетельствует о слабом знании автором «писаний Ленина» (см.: Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами ее руководителей. Воспоминания русских политиков и комментариев западного историка / Сост., вступ. ст... Д. С. Анина. М., 1991. С. 38.).

25. Маркс — Людвигу Кугельману, 17 апреля 1871 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произведения. В 3 т. Т. 2. М., 1980; Покровский М. Н. Избр. произведения. В 4 кн. Кн. 4. М., 1967.

26. См. Покровский М. Н. Там же.

27. История и социология. М., 1964. Выделено мною.

28. Там же. Выделено мною. (ср. синергетическое: детерминизм в пределах «поля возможностей» и — линейный детерминизм)

29. Правда, если исключить некоторые сферы гуманитарного познания, скажем, ориенталистику (см.: Шемякин Я. Г. // История СССР, 1991. №5. С. 85-102); «новонаправленческие», социально-психологические, некоторые философские изыскания.

30. По «новому направлению» см.: Тарновский К. Н. Социально-экономическая история России. Начало XX в.: Советская историография середины 50-х — начала 60-х годов. М., 1990; по сектору методологии М. Я. Гефтера см.: Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969 и др.

31. Афанасьев Ю. Н., Логунов А. А. // Советская историография. М., 1996. Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992. 32. Выделено мною. См. [10]

33. «Неизбежники» — сторонники точки зрения о неизбежности сталинского периода в истории СССР. См. [31] Бордюгов Г. А., Козлов В. А.

34. Сторонники концепции В. В. Кожинова — известного современного отечественного исследователя-гуманитария. См.: Кожинов В. Судьба России: вчера, сегодня, завтра. М., 1997 и др.

35. См.: позиции русских религиозных философов — Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, В. С. Соловьева, Г. П. Федотова, С. Л. Франка, позиции кадетов — М. И. Туган-Барановского (с его идеалом: общество — насквозь свободный кооператив), Д. И. Шаховского с идеалом Братства, доступным мало кому из социалистов и т. д.

36. См.: Шепелева В. Б. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сб. науч. трудов. Омск, 2000.

37. См. подробнее: Шепелева В. Б. // Кооперация как компонент рыночных отношений: проблемы теории и истории. Вып. 2. Иваново, 1997. Она же // Производственные кооперативы в России на пороге XXI века. М., 1996.

38. Нэп — это частичный «ренессанс» революционно-демократической альтернативы, как она виделась большевикам и выстраивалась снизу до ноября 17-го года: многопартийная революционно-демократическая власть, регулируемая с помощью госкапитализма многоукладная экономика, самоорганизация масс (см.: Шепелева В. Б. // Отечественная историография и региональный компонент в образовательных программах: проблемы и перспективы: Мат-лы науч. -метод. конференции. Омск, 2000).

39. Показательны слова А. И. Деникина о том, что, «вероятно, ген. Корнилов не поднял бы оружия... и против однородного социалистического правительства, если бы (оно)... появилось и... проявило сознательное отношение к национальным интересам страны» (см.: Деникин А. И. // Вопросы истории. 1991. №1).

Валентина Юрьевна ВОЛОШИНА —
докторант кафедры дореволюционной
отечественной истории
Омского государственного университета,
кандидат исторических наук

УДК 374. 7

СЪЕЗДЫ РУССКИХ АКАДЕМИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ О СОДЕРЖАНИИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ЭМИГРАЦИИ.

АННОТАЦИЯ. В статье на основе анализа материалов съездов русских академических организаций за границей характеризуются задачи культурно-просветительской работы ученых-эмигрантов. Отмечается, что ее актуальность определялась не только традиционным вниманием русской дореволюционной науки к просветительству, но и необходимостью создания единого культурного пространства русской диаспоры.

The author analyses documents of Russian Academic congresses in emigration to characterize the objectives of cultural and enlightening activity of emigrant scientists. The topicality of the article is connected not only with traditional attention of Russian pre-revolutionary scientists to enlightening activity but also with the necessity to locate the culture of Russian Diaspora.

Феномен русского зарубежья 1920-1930-х гг. сложен и противоречив. Многочисленная толпа беженцев очень скоро превратилась в ирреальную «Россию в изгнании». Многие эмигранты независимо от места пребывания воспринимали себя представителями единого общества, а русское зарубежье — своей страной. Один из самых авторитетных ученых зарубежья академик П. Б. Струве не раз обращал внимание на духовную и культурную связь «России в изгнании» и «России в страдании». По его мнению, «Зарубежье не есть вовсе отрезанный от внутренней России ломоть, и исторические судьбы Внутренней России (курсив и орфография автора — В. В.) не только интересны для Зарубежья, они суть и его судьба.» [1] Для большинства бе-